

организующая самостоятельность и любое художественное любительство (с. 36). Учитывая многозначность термина «фольклор», исследователь формирует свое понимание этой дефиниции: фольклор для него — это лишь словесно-музыкально-драматические и хореографические виды народного творчества, т. е. нефиксированные виды, которые передаются от поколения к поколению лишь по памяти.

Структуру народной художественной культуры В. Е. Гусев рассматривает в контексте народной культуры вообще, справедливо полагая, что различные ее виды взаимодействуют и в той или иной степени зависят от одних и тех же факторов: от трудовой деятельности народа (вспомним, например, эстетизированное производство орудий труда, хозяйственного инвентаря и т. п.), от народной календарной обрядности (отсюда эстетизированное производство обрядовых символов, обрядово-праздничной одежды, украшений и т. д.), от общинно-семейных отношений и обрядности (отсюда эстетизированные формы общинной и семейной обрядности, разные праздники, семейно-бытовой фольклор, а также «культура повседневных межличностных отношений — внеобрядовый фольклор»). Многогранна, многоступенчата собственно художественная деятельность народа, выражающаяся в разных видах и жанрах словесно-музыкально-игрового творчества.

Заслуга В. Е. Гусева, на мой взгляд, заключается в том, что все это он представляет как особую художественную систему (именно — систему!), в которой и жанровые образования, и элементы поэтики, и способы передачи и усвоения традиции находятся в интегрированной зависимости. Таблица на с. 66 — замечательна по логике, завершенности и простоте иллюстрация, помогает понять мысль ученого о системном характере отношений всех структурных единиц народной художественной культуры.

В главе «Социодинамика» рассматриваются вопросы истории русской народной художественной культуры как сложнейшего комплекса, в котором каждая часть обусловлена эволюцией целого, а целое зависит от частного. В. Е. Гусев объясняет истоки и пути формирования национальной специфики русской художественной культуры, раскрывает вклад в нее различных социальных слоев общества, подчеркивает, что между культурой господствующих и трудящихся классов не было столь непреходимой грани, как это было принято считать до недавнего времени. Большой интерес представляют наблюдения ученого над взаимодействием деревенской и городской культуры. Принципиальное значение имеют размышления о сущности и границах понятия «современная народная культура». Соглашаясь в основном с выводами чешского фольклориста Б. Бенеша о структуре современного русского народного творчества, а также других исследователей, В. Е. Гусев уточняет, конкретизирует их положения, говорит о многослойности «спирга» современной народной художественной культуры, отмечает изменившийся характер отношений коллективного и индивидуального, профессионального и самодеятельного творчества. Столь же интересны и продуктивны его наблюдения, связанные с рассмотрением функций народной художественной культуры в прошлом и настоящем.

«Народная художественная культура, — пишет В. Е. Гусев, — обладает несомненной историко-культурной ценностью. Она как ни одна другая форма человеческой деятельности дает непосредственное и адекватное представление о жизни, быте, менталитете и психологии народа» (с. 108). При этом ученый делает принципиальную оговорку: следует различать народную самооценку культуры в свете эстетического идеала самого народа и эстетические критерии историка и исследователя искусства: они не всегда совпадают.

Высоко оценивая новый труд В. Е. Гусева, хотелось бы высказать все же два замечания. От теоретического, обобщающего исследования, каким является рецензируемая книга, ждешь исчерпывающей полноты освещения затронутых вопросов. К сожалению, в двух случаях этой полноты нет. Так, рассматривая вклад рабочего класса в развитие народной художественной культуры, ученый ограничивается традиционным перечнем новых тем и жанров, порожденных творчеством пролетариата, оставив без внимания вопрос о смене эстетических представлений народа, произошедшей в результате этого. С появлением рабочих песен, сказок, частушек в фольклор пришли не просто новые темы и образы: пришел новый взгляд на вещи, изменились представления о смысле жизни и путях обретения счастья, стал иным творческий метод, и, следовательно, преобразилась поэтика.

Кроме того, в размышлениях о современных функциях фольклора остались неостребованными появившиеся в печати факты, свидетельствующие о громадном значении фольклора в наши дни и о решающих причинах этого: во-первых, это искусство неполицейно (в силу его нефиксированной устной природы), поэтому в полном смысле слова свободно, во-вторых, оно опережает профессиональное искусство в отражении «злобы дня» (вспомним частушки, анекдоты, народную афористику).

Отмеченные мною в книге В. Е. Гусева упущения несколько не влияют на общую ее оценку. Как и «Эстетике фольклора», ей суждена долгая и полезная жизнь.

А. И. Лазарев

© 1996 г., ЭО, № 3

Мордва Заволжья. Саранск, 1994. 184 с. илл.

Среди сравнительно крупных этносов Российской Федерации мордва выделяется наиболее рассредоточенным характером расселения: группы мордовских поселений и отдельные деревни разбросаны по всему Среднему Поволжью и Привуралью — от низовий Оки до р. Урал. В пределах Мордовской республики живет лишь 30% мордовского этноса, да и там мордва составляет лишь треть жителей.

Этнографы и другие специалисты Мордовии долгое время концентрировали основное внимание на изучении мордвы в пределах республики и по существу лишь в последнее время перевели упор на другие регионы Поволжья. Первым крупным результатом этой работы является рецензируемая монография.

Коллективная монография «Мордва Заволжья» подготовлена группой сотрудников научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при правительстве Республики Мордовия, Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, Мордовского государственного университета, педагогического института и музея изобразительных искусств под руководством В. И. Козлова. Она представляет собой историко-этнографическое исследование многочисленной группы мордвы, живущей в Самарской и Оренбургской областях. По данным переписи 1989 г. там проживало 185,4 тыс. человек мордовской национальности (116,5 тыс. человек в Самарской и 68,9 тыс. — в Оренбургской).

Монография написана на основе широкого круга источников. Это публикации, материалы архивов, музейные коллекции. Большую ценность представляют впервые вводимые в научный оборот материалы этнографических экспедиций, проводившихся отделом археологии и этнографии Мордовского научно-исследовательского института в 1984—89 годах. За этот период было обследовано 48 мордовских селений. Всесторонний анализ большого и репрезентативного фактического материала позволил авторскому коллективу дать объективную картину многообразного развития всех системообразующих элементов бытовой культуры заволжской мордвы в исторической динамике.

В небольшом Введении (авторы И. М. Петербургский, Г. А. Корнишина) дан краткий обзор литературы, содержащей этнографические сведения о мордве Заволжья. К сожалению, в нем есть отдельные неточности и досадные опечатки. Представляется, что при перечислении таких работ, относящихся к второй половине XIX в. (а не только к XX, как это указано в рецензируемом труде) было бы нелишним дать их выходные данные. Краткость изложения привела к тому, что в одном предложении перечисляются исследования, относящиеся к разному времени. Так, авторы упоминают о том, что изучаемый регион «посещали ученые М. Е. Евсеев, В. Н. Белицер, а также финские исследователи А. Гейкель, Х. Паасонен». Правильнее было бы сказать, что В. Н. Белицер в течение ряда лет возглавляла Мордовскую этнографическую экспедицию Института этнографии АН СССР и Мордовского научно-исследовательского института, которая в 1958 году работала в Татарской АССР, Ульяновской, Куйбышевской и Оренбургской областях. В составе экспедиции работали не только этнографы, но и мордовские фольклористы и языковеды. Материалы экспедиции были использованы в ряде публикаций.

В первой главе «Расселение мордвы в Заволжье» (автор В. И. Козлов) прослеживается процесс заселения левобережья Среднего Поволжья мордвой и динамика ее численности до 1990 года. В. И. Козловым еще в середине 1950-х годов была проведена работа по обобщению исследований: вопросы динамики расселения мордвы и численности отдельных групп мордовского народа. Расселение мордвы в Заволжье и динамика численности мордовского населения в этом регионе были в прошлом изучены недостаточно. Для решения этих сложных вопросов автор обратился к таким источникам, как погубернские списки населенных мест по данным X ревизии населения (конец 1850-х годов) с дополнениями по церковноприходским спискам, а также двух этнографических карт Европейской России (П. Кепена и А. Ф. Риттиха), которые корректировались им по данным всеобщей переписи населения России 1897 года и переписи населения 1926 года, а также другим материалам, содержащим сведения по этническому составу поселений. В. И. Козлов показал, что самые ранние сведения о проникновении мордвы в Заволжье относятся к концу XIV века, однако, основной приток мордовского населения в этот регион начался в XVIII веке и шел из Нижегородского, Арзамасского и Алатырского уездов, где проживала преимущественно мордва-эрыя. Со второй половины XVIII в. южные уезды Заволжья заселяла мордва-моक्षा Пензенско-Саратовского края, хотя в целом ее численность заметно уступала эрыянским переселенцам. В главе рассматриваются и причины миграций мордвы, приведших к ее дисперсному расселению по всем областям Поволжья, в том числе и в Заволжье.

В главе второй «Сельское жизнеобеспечение» обстоятельно описаны основные традиционные занятия сельской мордвы: земледелие, животноводство, охота, рыболовство, огородничество и садоводство, пчеловодство, местные и отхожие промыслы (автор разделов Н. Ф. Беляева). К сожалению, в разделах нет терминологии орудий труда, охоты, рыболовства, сельскохозяйственных культур и др. Их местные названия могли бы дать дополнительный материал о специфике хозяйствования мордвы Заволжья, а также о разнообразных связях и взаимовлияниях с соседними народами. Автору следовало бы также отметить, какие хозяйственные занятия играли доминирующую роль в тот период, к которому относится основной материал исследования, а также проследить изменения, происходящие в них в последние десятилетия. В других разделах главы проанализированы специфические особенности поселенческой среды, жилищ и хозяйственных построек, пищи и домашней утвари (автор А. С. Лузгин). В них содержится и интересный материал об обрядах, поверьях и обычаях, связанных со строительством жилья.

В разделе «Одежда и украшения» (автор Т. П. Прокина) особое внимание уделено описанию народной одежды мордвы-эрыя. Опираясь на особенности покроя и оформления эрыянской одежды, автор выделяет несколько вариантов национального эрыянского костюма.

В главе «Семья и семейные обряды» (автор Г. А. Корнишина) рассмотрена структура мордовской семьи в XIX — нач. XX в. (численность, поколенный состав). Эти показатели даются в сравнении с русскими семьями изучаемого региона. Автор останавливается и на причинах изменения состава и структуры мордовской семьи в 1920-ые — 30-ые годы (влияние последствий гражданской войны, а также коллективизации). Рассмотрев структуру современной семьи мордвы Заволжья, автор приходит к выводу об идентичности процессов развития современной мордовской семьи этого региона и республики Мордовия. В последние десятилетия (1946—1986 гг.) значительно возросло количество однопоколенных семей при сокращении числа сложных. Изменился состав семьи. В этом, как полагает автор, нашло отражение снижение роли патриархальных традиций, которые играли заметную роль еще в 1950-ые годы.

К сожалению, в главе не отражены взаимоотношения членов семьи, в которых, как известно, наиболее стойко сохраняется этническая специфика. Правда в какой-то мере этот пробел восполняется в разделе «Терминология родства и свойства» (автор С. Д. Николаев). В нем представлена богатая и разнообразная терминология родства и свойства мордовского этноса. Рассмотрены факторы, определяющие динамику функционирования традиционной системы родства в настоящее время. Это изменения языкового поведения, состав и структура семьи и др.

Специальный раздел главы посвящен национально-смешанным бракам. В нем приводятся количественные данные о постоянном росте межэтнических браков, особенно в национально-смешанных селениях. Так, в селе Шилан Красноярского района Самарской области, где живут мордва, русские и чуваши, этнические смешанные браки среди мордовского населения составляют 90%; в мордовско-чувашских селах Темяшево и Чувашское Урметьево — соответственно 87,5% и 81,8%. Большинство таких браков заключается с русскими, что вызвано преобладанием русского населения в рассматриваемом регионе, а также большей близостью культурно-бытового уклада этих двух народов.

Приведенный в книге эмпирический материал о национально-смешанных семьях поможет исследователям оценивать смешанные браки не только как канал взаимообогащения, но и как активный фактор аккультурация мордвы.

Интересный материал содержат и разделы, посвященные родильным, свадебным, похоронным и поминальным обрядам, а также традиционным календарным праздникам (автор Г. А. Коришица).

Представляется, что в целом эта содержательная глава композиционно построена не совсем удачно. Разделы о терминологии родства и свойства, а также о национально-смешанных браках было бы логичнее расположить непосредственно после разделов о структуре современной семьи.

Особенностям языка и фольклорно-музыкальной культуры мордвы Заволжья посвящена четвертая глава монографии. В ней на конкретных материалах проанализированы фонетические и морфологические особенности говоров мордовского населения этого региона (автор О. Е. Полжков). Это позволило сделать вывод о том, что совместное проживание мокши и эрзи привело к образованию смешанных говоров, для которых характерно параллельное употребление мокшанских и эрзянских языковых элементов; соседство и тесное общение с русским населением привело к появлению в языке звуковых особенностей, которых раньше не было. Вместе с тем изоляция Заволжской мордовской диаспоры способствовала сохранению в ее языке некоторых архаических черт.

В разделе «Фольклорно-музыкальная культура» (автор Л. Я. Бояркина) отмечается, что народное музыкальное искусство мордвы Заволжья устойчиво сохраняется до наших дней и отличается развитыми многовековыми традициями. В мордовских селах этого региона до настоящего времени сохранились песни земледельческого календаря (зимние величальные-поздравительные песни-колядки, масленичные песни, весенние корильные песни, песни примет весны), весенние и летние круговые песни, колыбельные, детские песни-потешки, свадебные и похоронные причитания. Наряду с мордовскими у мордвы Заволжья бытовали и русские колыбельные песни и потешки, а также русские военно-исторические песни второй половины XVIII — нач. XIX в. Популярны здесь и русские частушки. Тенденция к сближению мордовского искусства с традиционной музыкой других народов Среднего Поволжья характерна прежде всего для сел со смешанным населением.

Завершает книгу небольшая глава «Современные этнодемографические процессы среди мордовского населения Заволжья» (автор Г. А. Коришица). В ней прослежена динамика численности мордовского населения этого региона между переписями 1970 и 1989 годов, рассматриваются причины ассимиляционных процессов, которые обусловили сокращение численности мордвы в Оренбургской и Самарской областях. Как справедливо отмечает автор, усиление ассимиляционных процессов среди мордвы Заволжья вызвано целым рядом причин: удаленность от основной этнической территории, дисперсность расселения, растущая урбанизация мордовского сельского населения и др.

Хочется отметить удачное оформление книги — на ее обложке помещена карта расселения мордвы (кстати, почему-то не указано, что она составлена В. И. Козловым), а на разворотах — данные о численности мордовского населения по отдельным областям, республикам и краям Российской Федерации на 1989 год. Дана также карта современного расположения селений мордвы в Самарской и Оренбургской областях и перечень населенных пунктов с указанием их национального состава и принадлежности к административным районам. Разумеется, как всякое оригинальное исследование, работа не лишена и недостатков. Во-первых, материалы о современной бытовой культуре мордвы заметно уступают данным по традиционной. Во-вторых, учитывая более активный по сравнению с Мордовией процесс ассимиляции Заволжской мордвы, ее материальной и духовной культуры, желательным было бы рассмотреть его не только на примерах родного языка, самосознания, отчасти пищи, но и на других компонентах традиционной культуры. И последнее замечание. Книга называется «Мордва Заволжья». Однако посвящено это исследование изучению лишь бытовой культуры сельского мордовского населения региона, что нужно было бы отразить в подзаголовке или оговорить и объяснить во введении.

Указанные недоработки не умаляют общей положительной оценки рецензируемого труда.

В заключение хотелось бы пожелать авторскому коллективу не останавливаться на достигнутом и продолжить исследование мордовской диаспоры в Пензенской, Саратовской, Нижегородской и других областях.

В. А. Балашов, Т. П. Федянович